



ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Европа

ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКОГО НАРОДА

С ДРЕВНОСТИ
И ДО МЕРОВИНГОВ

Карл ЛАМПРЕХТ

Всемирная история (Вече)

Карл Лампрехт

**История германского народа
с древности и до Меровингов**

«ВЕЧЕ»

УДК 94(363)
ББК 63.3(0)4

Лампрехт К.

История германского народа с древности и до Меровингов /
К. Лампрехт — «ВЕЧЕ», — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-9075-0

Историк Карл Лампрехт (1856–1915) – один из ярких немецких ученых, ставший основателем и фактическим главой психологической исторической школы. Лампрехт-историк пытался видеть тему настолько широко, насколько это позволяло развитие тогдашней исторической науки, предполагая, что наша цивилизация и состоит в утверждении психологической потребности человека жить в рамках организованного сообщества, а также в чувстве необходимости коллективного взаимодействия. Часть идей Лампрехта оказала существенное влияние на взгляды анналистов, в первую очередь Марка Блока. В этом томе автор описывает древнейший период истории германцев, рисуя общественное устройство, уклад, духовную жизнь, взаимоотношения с соседями, в первую очередь с Римом, и начало образования первых государств. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(363)

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-4484-9075-0

© Лампрехт К.
© ВЕЧЕ

Содержание

К изданию 2023 г.	6
Часть первая	7
Введение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Карл Лампрехт
История германского народа
с древности и до Меровингов

© С. Ермаков, предисловие, комментарии, 2024

© ООО «Издательство «Вече», 2024

* * *

К изданию 2023 г.

Историк Карл Лампрехт (1856–1915) – один из ярких немецких ученых, ставший основателем и фактическим главой психологической исторической школы. Он родился в Йессене, изучал историю, политологию, экономику, искусство в различных университетах Германии. В 1878 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Французская экономика XI века» в Лейпцигском университете. Испытал влияние знаменитого труда Я. Буркхардта «Культура Италии в эпоху Возрождения», что подтолкнуло его к исследованиям в области психологии личности в историческом контексте, а затем и к написанию труда «Индивидуальность и ее постижение в немецком Средневековье». Преподавал историю в Марбурге и Лейпциге – в городе, где создал Институт культуры и универсальных исследований.

Подходы и воззрения Лампрехта вызывали полемику в среде коллег, которые оспаривали его склонность свободно использовать междисциплинарный подход, а также сосредоточенность на социальных, экологических и психологических вопросах истории. Лампрехт-историк пытался смотреть настолько широко, насколько это позволяло развитие тогдашней исторической науки.

С точки зрения Лампрехта движущей силой истории являются совокупные психологические силы всей нации. Карл Лампрехт и его единомышленники предполагали, что исторический процесс есть закономерное эволюционное развитие, главным содержанием которого является исторический процесс, а носителем – нация.

Воззрения Лампрехта подвергались суровой критике со стороны последователей строгой методологии, а его тринадцатитомный труд «Deutsche Geschichte», или, в русском переводе, «История германского народа», вызвал длительный методологический спор, среди участников которого были такие величины исторической науки, как Макс Вебер и Генрих фон Бюлов. В результате междисциплинарная социальная история оставалась, даже основанная на подразумевавшемся несомненном превосходстве германской культуры, чем-то вроде табу среди немецких историков на протяжении большей части XX в. Впрочем, часть идей Лампрехта оказала существенное влияние на взгляды анналистов, в первую очередь Марка Блока.

В России «магнум опус» Лампрехта начал переводиться и печататься еще до революции, а потом был на длительное время забыт. И вот сейчас уже современный читатель может познакомиться с подходами профессора Лампрехта в обновленном виде – в современной орфографии и с написаниями имен, топонимов и этнонимов, приведенным к современным правилам.

С. Ермаков

Часть первая

Введение

Исторический очерк развития немецкого национального сознания

I

Характерным признаком настоящего времени можно считать веру в право и в прочность результатов национальных движений. Мы склонны даже думать, что тот народ, который утратил свое национальное сознание, погибнет. С внешними проявлениями этого сознания, а именно с резко выраженной формой национальной гордости, мы встречаемся при всех поворотах в судьбах европейских народов.

Не всегда было так. Космополитизм прошлого столетия, например, иначе смотрел на дело. Само понятие «национальное сознание» указывает на то, что оно не всегда существовало. Ибо что же такое национальное сознание, как не историческое развитие единомыслия всех соплеменников в существенных вопросах как обособленного, так и совместного существования? Мы находим его в представлениях и чувствах отдельных лиц – как целое, как не зависящая от единичных индивидуумов сумма понятий, она составляет силу, которая возбуждает, воодушевляет и увлекает.

Характер национального сознания как исторического двигателя изменяется вместе с временем; в настоящее время оно по преимуществу политическое: естественным его следствием является национальное государство.

Такой характер понятие это, имеющее ныне почти силу логического требования, приняло недавно, представляя результаты политической и научной работы мысли девятнадцатого века. Если мы с этой ступени развития оглянемся назад на более раннюю эпоху истории нашего народа, то мы увидим, что национальное существование ставило тогда совершенно противоположные требования: в эту эпоху отрицалось национальное государство, политический прогресс нации шел совершенно в других направлениях; национальное существование опиралось тогда единственно только на веру в естественную связь соплеменников. Между этими крайностями, с одной стороны отрицанием всякого национального государства, а с другой – абсолютным требованием именно общего национального государства, колебалось немецкое национальное сознание со времен Цезаря до настоящего времени, и понятно, что переходные ступени в поступательном движении от одной из этих крайностей к другой представляют высшие фазы национального развития вообще.

Тацит во второй главе своего сочинения «Германия» о наших предках рассказывает следующее: в своих древних песнях, единственных их исторических источниках, они прославляют бога Туiskonа, рожденного матерью-землей, и его сына Манна как родоначальников и основателей их рода. Манну приписывают они трех сыновей, по именам которых названы племена, живущие ближе всех к океану, ингвеонами, живущие посреди – герминонами и остальные – иствеонами. В этом рассказе выражается взгляд на естественное единство нации, взгляд, опирающийся на мифологические символические данные; в этом только предании, и ни в чем больше, сознание национального существования. В содержании предания вместе с тем достаточно определяется отличие от других народов: оно касается не только происхождения гер-

манцев, но и происхождения человека вообще; отцом родоначальников этих трех народностей является Манн – мыслящий, духовно одаренный муж, в полном смысле слова человек; сведения же о том, что предшествовало Манну, теряются во мраке божественного происхождения. В предании этом высказалось естественное национальное сознание, подобное тому, какое мы находим в более древние времена у эллинов: у последних одни лишь соплеменники считались людьми в полном смысле этого слова, в силу их божественного происхождения; им противопоставлялись иноплеменники как люди низшего порядка, как варвары. Потому-то и не было необходимости давать отдельные названия чуждым национальностям: все они в совокупности назывались варварами; только в более позднее историческое время принадлежавшее кельтской массе населения название вельши (Wälsche¹) было подхвачено германцами и сделалось общим германским названием для кельтов.

Гордого сознания принадлежности в силу естественного происхождения к единственному вполне человеческому, избранному народу было вполне достаточно для основы национального единства: в каком же еще подтверждении нуждалось это единство? Разве требовалось единство государства? Если бы даже уровень культуры и политическое счастье делали это единство тогда осуществимым, то как мало могло бы это способствовать более блестящему проявлению божественных свойств национальных судеб! В этом отношении не было даже никакого повода к образованию политического национального сознания.

Отсутствие политического национального сознания ясно обнаружится и тогда, когда мы вместо национальной совокупности остановим свое внимание на отдельных личностях, в состав ее входивших. Германцы – возьмем ли мы северные и южные племена, или вождей первого и четвертого столетий, – все так похожи друг на друга², что до чрезвычайности легко смешать их. Единство типа еще не нарушилось ни в силу дифференцирования экономической культуры, ни вследствие различных разветвлений и обособлений в духовной жизни. Зачем при таком однообразии индивидуального существования понадобились бы высшие постепенные сочленения, как то требуется для создания единого государства? Такому состоянию и соответствовало именно раздробление государства.

Такое раздробление и совершилось в значительном размере. Нация распалась на множество мелких народностей, которые в свою очередь расчленились на военно-генеалогические группы приблизительно в тысячу душ, на так называемые сотни. Сотня (Hundertschaft), опираясь на единство естественного происхождения, являлась единственным законным и прочным исходным пунктом в этом постепенном подразделении. Правда, несколько сотен обыкновенно сливались на более или менее долгое время в одно племя; но роковые случайности, борьба и переселения, победы и поражения легко отрывали ту или другую сотню от прежних союзников и заставляли ее примыкать к другим племенам. Так создавалось и исчезало немало народностей в течение дюжины поколений, в продолжение которых мы можем проследить германскую жизнь древних времен, и только историческая песнь сохраняет воспоминания о подвигах и о гибели исчезнувших народов. Это было такое политическое состояние национального существования, которое лучше всего можно сравнить с жизнью низших животных организмов: и здесь такое же легкое и безопасное распадение сложных особей на их более простые члены, за которым следует изменчивое соединение последних в новые более или менее сложные организмы.

Этот период времени, а с ним вместе и обоснование национального сознания на первоначальном естественном единении, символически выраженном в предании о происхождении, начинает исчезать во втором или в третьем столетии после Р.Х. Первую брешь сделало

¹ Именем Welsch обозначались впоследствии обитатели Уэльса и вообще романские народы, а вначале – одни среднеевропейские кельты. – *Пер.*

² *Sybel. Deutsche Nation.* § 1 и 2.

вторжение германских народностей в пределы Римской всемирной империи: каким образом, при сопоставлении с бесконечным культурным превосходством империи, могла устоять гордая мысль о превосходстве германцев во всех отношениях над всеми другими народами на всех поприщах жизни? Затем мировоззрение это подрывается еще сильнее под влиянием христианства, проповедующего братство народов. Но силы эти не могли окончательно победить это мировоззрение, уже потому не могли, что Римская империя и христианство оказали свое влияние только на южные и западные ветви германских племен. Не могло искоренить это воззрение и новое германское внутреннее развитие.

Между отдельными народностями существовали уже общие религиозные союзы во времена Цезаря и Тацита. Были ли эти союзы предвестниками больших политических союзов позднейших племен? По отношению к некоторым племенам такое предположение весьма вероятно; вполне верно то, что нельзя приписывать одному только какому-нибудь причинному фактору возникновения столь существенных еще и в настоящее время отличий между главными племенами: баварцами, швабами, алеманнами, франками, саксами? Старое политическое устройство мелких народностей пережило свое время; эти народности стремились к группировке в высшие единицы; успехи материальной культуры требовали более обширных союзов. Это был противовес Риму, который с третьего столетия был больше занят нападением, чем обороною, что должно было соединять мелкие слабые народности в государственные прочные союзы; еще некоторые другие причины обуславливали объединение отдельных германских племен начиная с третьего по пятое столетие.

С возникновением этих племен и идея символического естественного единства немцев вступила в последнюю фазу внешнего своего проявления. Правда, и теперь продолжают возникать генеалогии племен, но как мог удержаться до тех пор распространенный взгляд на племенное постоянство при постоянном перемещении народов во время великих переселений, при тех ударах судьбы, какие постигали далеко от родины на чужой стороне готов, вандалов, бургундов и свевов? Племенное сознание переросло первобытное сознание, опираясь уже не на естественные связи, а на общность исторических судеб.

Доказательством сказанного могут служить дошедшие до нас первые проблески племенного сознания. В прологе к «Салическому закону», относящемся к концу пятого и началу шестого века, племя франков восхваляется как знаменитое и созданное Богом³, символически-естественное национальное сознание звучит еще в содержании племенной саги. Но когда народ прославил себя своими природными качествами, своей военной силой, верностью в исполнении договоров, глубокомыслием в советах, благородством духа и тела, смелостью, быстротой и силой воли, он выражает уже свою племенную гордость в следующих словах: «Этот тот народ, который в храброй и смелой борьбе свергнул с себя тяжелое иго римлян; по принятии же христианства франки украшали золотом и драгоценностями изображения святых и мучеников, которых римляне сжигали, прокалывали мечом или бросали на съедение диким зверям».

С течением времени племенное сознание принимает все более и более определенный исторический характер. Так, например, оно получает свое выражение в преданиях, в которых история племен излагается в великой судьбе их героев, также в позднейших сочинениях Иордана и Павла Диакона, всецело проникнутых отпечатком племенного сознания; но нигде оно не выразилось так высокомерно, как у франков. С гордостью они называют себя перед одним из пап восьмого века великодушным, народом франков⁴, а в одном римском сочинении того же времени, в котором св. Петр просит у франков помощи, этот святой называет их своими

³ Auctore deo condita, Hessels und Kern. § 422.

⁴ Ep. Carol. 2, laffé 341, 785.

приемными сыновьями, так как известно-де, что франки гораздо больше других народностей, живущих на земле, преданы божественному посланнику Петру.

Не подлежит сомнению, что победа, одержанная этим племенным сознанием над старонациональной символикой естественных связей, представляла серьезную опасность для немецкой народности как целого. Под его влиянием, упрочившимся благодаря далеким переселениям, благородные племена Востока, готы и лангобарды, вандалы и свевы, утратили свои немецкие названия.

По особому благоволению судьбы возникло чрезвычайно важное политическое расширение владений именно там, где наиболее сильно развита была племенная гордость. Франки не ограничивали свои честолюбивые замыслы одной той областью, которую занимало их племя; королевская династия Меровингов, начав подчинением салических франков, занимавших область по Шельде, покорила все другие франкские племена и приобрела господство над алеманнами, тюрингами и баварцами. Этим путем, конечно, не могло возникнуть единое немецкое государство, которое включало бы в себя все племена. Меровинги были далеко не в состоянии утвердиться как единственные властители на правом берегу Рейна; их владычество носило здесь характер азиатских деспотий; оно ограничивалось главным образом хозяйственными требованиями и военными претензиями; о едином франкском правительстве почти не было и речи; племенные государства оставались обособленными типами государств, управлявшихся собственными князьями.

Меровингское государство отнюдь не состояло из одних только чисто немецких племен, расположенных к западу от Вогезов. Не менее распространилось оно на юг, в Бургундию и Прованс, в Среднюю Францию и Аквитанию: рядом с германской частью государства появилась романская его часть.

При такой двойственности отношений не могло развиваться отличительное немецкое сознание единства государственного строя. Племенное сознание склонялось на сторону единства немцев, хотя и встречало препятствия для полного своего проявления; для государства же как целого развилось лишь политическое сознание господствующего класса, которое писателями того времени как вовне, так и внутри государства, совершению правильно отмечалось как франкское. Это сознание далеко не было национальным, немецким. Оно указывало лишь на факт наличности свободы и политического развития господствующих классов. Оно сохранило свои следы во французском слове *franc*, в итальянско-португальско-испанском *franco*; в верхнегерманском наречии мы впервые заимствовали это слово в указанном смысле из французского языка, а именно в новейшем изменении: «*frank und frei*».

На рубеже седьмого и восьмого столетия это государство как единое, в указанном выше значении этого слова, перешло из рук вымиравшей старокоролевской династии в руки Каролингов. Первые правители новой династии восстановили его в его прежнем объеме; Пеппин расширил владения в Италии. Карл Великий унаследовал власть, задачи и даже планы Пеппина; при нем Франкское государство становится всемирным государством, придвинувшись к центру классических традиций – Риму, а вместе с тем, стало быть, и к центру тогдашней новой духовной жизни – папству. Коронование императора и образование Западной империи рядом с Восточной Византийской сделали с начала девятого века, очевидным для всех все приобретенное ценою тридцатилетних усилий. *Regnum Francorum* исчезает, вновь оживает *Imperium* и вместе с тем постоянно из года в год все более и более упрочивается и становится все более ясной давно подготовленная идея об императорском Божьем царстве на земле, о христианской теократии.

Возможно ли было думать при таких условиях о развитии немецкого национального сознания? Когда Карл Великий завоевал Саксонию и надолго присоединил к своей империи Баварию, то руководился ли он при этом намерением подчинить своей воле прежде всего немецкие племена? Не завоевал ли он также испанскую марку и Беневент, не простирались ли

его замыслы на Сицилию и Далмацию? Не нужно ли было ему завладеть землями до Эльбы для умиротворения нижнерейнских стран и Баварии, чтобы противопоставить ее византийскому Востоку? Карл Великий по существу был немец, политика же его носила универсальный характер.

Да и была ли возможна, хотя бы даже в некоторых только отношениях, немецко-национальная политика во времена Каролингов? Древнее символическое народное сознание совершенно исключало такую политику уже в силу присущего ему характера. Германцы ни разу не сливались воедино для защиты против Рима даже при самых критических обстоятельствах. Племенное сознание, сменив древнее национальное сознание, прямо исключало подобную политику. Во время наиболее сильного развития племенного сознания у одного только немца зародилась мечта о всемирном государстве с немецким характером, а именно у остгота Теодориха. Все, что он сделал для осуществления этой мечты, осталось без последствий; однако же немецкое предание отвело ему то центральное место, в котором отказала ему суровая историческая действительность.

Должен ли был Карл Великий возобновить фантастический план остготского короля, имея даже в своем распоряжении значительно большую материальную силу? Уже универсальное значение церкви препятствовало ему в этом. Со времен Теодориха, когда так живо было очарование римских воспоминаний, христианство успело сделаться единственной всемирной силой. Оболочка лопнула, зерно оказалось плодоносным и дало росток. Империя и императоры успели истлеть, а апостолы новой веры перешли северные границы разрушенной всемирной империи. Для Карла не оставалось никакого выбора: он мог организовать массу своих завоеваний и удерживать над ними свою власть только при помощи церкви; лишь оставаясь властителем церкви и папы, он мог оставаться и властителем покоренных им стран. Таким образом государство по его планам стало императорским Царством Божиим на земле, и национальная идея побледнела перед Распятием.

II

Последнее десятилетие царствования великого императора было уже тяжелым временем; на его могиле началось распадение империи.

Оно произошло в силу личных промахов правящей династии и благодаря бесплодным раздорам светских и духовных вельмож; национальная идея тут была ни при чем. Проявлялась, правда, некоторая общность понимания политических событий, с одной стороны, в немецких областях государства, а с другой – в романских, и в расположении или в нерасположении к стоящим во главе государства лицам отражалось бессознательное влияние национального понимания. Но эти дремлющие и противоположные друг другу понятия мало пробивались наружу. По-прежнему продолжалось еще подразделение империи на восточно- и западнофранкские половины и в многочисленных мелких областях государства никогда при каролингских эпигонах не высказывалась вполне противоположность между немецкой и вельшской национальностями, хотя позднейшие марки обеих национальностей были разграничены постоянно изменяющимися границами.

В то же время среди смут и династических распрей продолжало развиваться немецкое национальное сознание. В общем новый процесс обнимает период от девятого до одиннадцатого столетия: мало-помалу он приводит к сознанию внешнего типического отличия немцев от других народов, которое затем выражается в признании отдельного языка. Уже во второй половине восьмого столетия мы находим слово *Deutsch*, произошедшее из западноарийского коренного слова «*diot*» – «народ» и производных от него слов, «*diuten*» – «сделать народными» и «*gitlniiti*» – «понимание», в смысле «понятное для народа» и в применении к языку. В начале девятого столетия это слово противопоставляется бывшему в общем употреблении римскому,

т. е. созидавшемуся романскому языку. Более широкий смысл слово это должно было приобрести прежде всего там, где немцы жили смешанно с чужеземцами или там, где они по крайней мере часто сталкивались с ними. Так было в Италии: в 843 году здесь впервые появляется слово *lentiscus* для обозначения немецкого типа вообще, для обозначения принадлежности к народу⁵.

С дальнейшим развитием значения этого слова мы встречаемся также в Верхней Италии, поля которой в десятом и одиннадцатом столетиях довольно часто и много раз видели в течение продолжительного времени немецких воинов и которая с этого времени составляла даже часть Римской империи немецкой нации. Здесь впервые понятие это получает политическое значение; с начала нашего тысячелетия говорят уже о немецком государстве.

Медленнее и на иной лад понятие это развивается на собственно немецкой почве. В девятом столетии и во времена Генриха I, саксонского короля, не существует еще никакого слова для общего обозначения немецких обитателей нового государства; если хотят обозначить племена общим именем, то говорят о франках в более широком смысле или пользуются выражением «варвары», бывшим в употреблении во время оно у римлян. Еще менее государство носит характер немецкого, это ост-франкское государство саксов и франков.

Слово *Deutsch* входит в употребление на востоке от Вогезов только во второй половине десятого столетия, и опять-таки для обозначения противоположности славянам и итальянцам. Вначале оно отнюдь не является национальным именем, а скорее заимствуется государственными людьми и учеными из итальянского обихода. На это указывает уже самая конструкция слова: употребляется не слово *teuliskus*, которое уже раньше и правильно производилось от слова *thiutisk* латинского простонародного наречия, а ученая форма *teutonicus*, напоминающая о кимврах и тевтонах и о бывшем, по всей вероятности, не немецком названии последних⁶. Но и в этой форме слово это в десятом столетии относится почти только еще к языку. Только в одиннадцатом столетии значение слова расширяется, и оно служит для обозначения национального типа и прежде всего у писателей, имевших отношения к Италии⁷, и не ранее 1080 года раздается впервые слово о немецком отечестве (*Teutonica patria*).

При всем том идея о политическом национальном сознании еще не существовала. Отныне немец по своим внешним физическим чертам ясно отличался от других типов, достигнуто было таким образом конкретное, а не символичное сознание естественной национальности.

Если бы в десятом веке, во времена короля Генриха или в начале царствования Оттона Великого, существовало политическое сознание национальности, то не проявилось ли бы оно прежде всего в прочном и окончательном создании национального единства? Случилось же совершенно противоположное. Едва нация внешним образом сплотилась, как она воспользовалась своим превосходством перед медленно развивающимися западноевропейскими народами, чтобы направить свои усилия по достижению идеала новой Римской всемирной империи. Оттон получает императорскую корону в Риме, завоевывает Италию, овладевает Бургундией – вновь возникла монархия Каролингов. И если новая империя не достигла границ прежней империи, то она все же была настолько же универсальна во всех отношениях, как и та. Никогда не думали вести немецкую пропаганду в Италии или Бургундии. Ни разу важнейшие государственные учреждения не вводились в равной степени в Германии и в других странах. Ленный строй Италии и Бургундии был совершенно отличен от строя Германии, между тем как во Франции и Германии строй этот развивался почти одинаково и из однородных оснований. Еще менее стремилась Германия занять преимущественное положение в своем государственном

⁵ Munitori Ant. It. 2, 971.

⁶ Müllenhoff D. A. 2, 213–215.

⁷ Brun V. Qüerfurt, Adalbert! c. 4, 9, 10 Giesebrecht, d. Kaiserzeit 1, 859.

устройстве сравнительно с двумя другими королевствами новой империи; императором был, разумеется, немецкий король, во всем же остальном все три королевства были равноправными членами императорского союза, и в Германии появились в конце концов три отдельных государственных канцелярии для Италии, Бургундии и собственного отечества.

При всем том нет еще никакого намека на какой-либо поворот в немецком национальном сознании. Политическое сознание остается достоянием отдельных племен приблизительно до половины одиннадцатого века. В качестве герцогств племена составляли еще самостоятельные политические организмы, хотя они и имели второстепенное значение; каждое из них продолжало еще пользоваться своим отдельным независимым правом; центральное правительство по-прежнему еще нуждалось в их признании; каждое из них в своих владениях и за пределами их вполне самостоятельно отстаивало немецкую независимость. Тогда-то французы и англичане начала Средних веков научились называть нас *Allemands*; тогда все немцы на Скандинавском Севере, как еще ныне в Финляндии и Эстляндии, назывались саксами, а на юго-востоке начинает входить там и сям в употребление и теперь еще сохранившееся название «швабы». Только итальянцы, у которых центральная государственная власть проявляла свою деятельность смещением всех племен, употребляли общее название (*Tedeschi*).

Отдельные племена продолжали играть роль в образовании национального сознания и после Генриха III. Еще и теперь нам приходится считаться с партикуляризмом, обусловливающимся отчасти племенными различиями, а в 1338 году вюрцбургский франк Леопольд Бебенбург посвятил мозельскому франку Балдуину Трирскому первую теорию немецкого государственного права при следующем пояснении: к обработке этого сочинения побуждает его горячая преданность немецкому отечеству, а прежде всего – стране франков, которая дала нам как короля Фарамунда, так и Карла Великого.

Едва прошло пять поколений с того времени, когда при полном отсутствии национального сознания проявлялось и ослабление племенного чувства, как появляется песня Вальтера Фогельвейде, которую считают первым немецким национальным гимном:

Tiusche man sint wol gezogen,
relite als engel sint diu wíp getan,
swer si schildes, derst betrogen:
ich enkan sîn anders niht verstân.
tugend und reine mine
swer die suochen wil,
der sol komen in unser lant:
da ist wünne vil:
lange müeze ich leben dar inne!⁸

Был ли Вальтер в этой песне истолкователем или по крайней мере провозвестником великого политического развития национального сознания? Был ли он сам проникнут сознанием своей народности?

Кто не усмотрит в этом первом и на долгое время последнем политическом поэте немцев вызванного политическими условиями национального сознания, обусловливающего в свою очередь политическое единство? Его свирепая ненависть к Риму вытекает всецело и исключительно из этого чувства. Иначе объясняет дело часто цитируемая песня: «*Tusche man sint wol gezogen*» (немецкие люди хорошо воспитаны), «*tilgend und reine minne*» (добродетель и чистую

⁸ «Немецкие люди хорошо воспитаны; жены их подобны ангелам, кто их бранит, тот в возбуждении. Иначе я не могу себе этого объяснить. Кто хочет найти добродетель и чистую любовь, тот пусть придет в нашу землю. Тут-то много радости. Да, я живу здесь долгие годы».

любовь) или в другой строфе: «tuischiu zult gilt vor in allen» (немецкая жизнь лучше всех), а именно «fremeden siten» (чужого образа жизни) – в этих словах и понятиях сказывается совсем иное толкование.

Никто не станет отрицать, что в общем песня проникнута чувством национальной гордости; но гордость эта обусловлена превосходством придворной, рыцарской жизни в Германии над чужеземными нравами, в ней проявляется не столько свободно излившееся национальное воодушевление, сколько сословное высокомерие. В этой песне устами Вальтера говорит не всеобщее, а сословно-рыцарское национальное сознание, скованное требованиями специальной среды, это не что иное, как национальное сознание века Гогенштауфенов вообще.

Приблизительно до половины одиннадцатого столетия, а в некоторых странах и далее, немцы вели образ жизни земледельцев и занимались хлебопашеством. В этом образе жизни их разделяли различные социальные ступени, с одной стороны, и племенное право и племенная принадлежность – с другой. На грани одиннадцатого и двенадцатого столетий эти простые черты национальной жизни начинают сглаживаться, и во время Штауфенов они уступили место иной организации народной жизни. В это время военное ремесло отделяется от крестьянской деятельности; рыцарь гнезился на вершине своего замка, между тем как крестьянин мирно обрабатывал свою ниву, а рядом с социальными слоями деревень и бургов выступил и бюргер большого города. В новом праве этих классов, в великом национальном разделении их труда исчезла противоположность прежнего племенного права и прежних сельских сословных наслоений; на их место среди вновь образовавшихся высших классов, бюргеров и рыцарей, выдвинулись другие стремления и контрасты.

Рыцарское сословие, во времена Штауфенов, приняло на себя руководство нацией; оно давало также тон для выражения национального сознания. Развившийся придворный конвенционализм начал выражаться в национальной гордости; во времена рыцарства немцы прежде всего должны быть победителями над всеми другими. Подобное воззрение мы находим в песне Вальтера; оно проявляется в великих деяниях Крестовых походов; отражение его мы находим в гордых рыцарских походах в славянские земли и в Италию, оно вызывает на той или другой границе немецких владений крики негодования соседей против высокомерия (*superbia*) немцев.

Это воззрение продержалось, однако, едва только до половины тринадцатого столетия; оно исчезло с падением рыцарской династии Штауфенов, а на его место выступает более стойкое, прочное, живучее и условно-бюргерское понимание народного сознания.

Только медленно росло это сознание в Германии. Немецкие купцы все еще называли себя людьми императора (*homines imperatoris*), а не немецкими ганзами (ганзейскими купцами), как это было потом – в то время, когда французские бюргерские милиционеры в горячих схватках во время сражения при Буvene (в 1214 г.) предъявили уже притязания на бюргерский характер французского национального сознания; немецкие бюргеры не занимали еще подобного им места и тогда, когда итальянец Фома Аквинский, руководствуясь опытом своего отечества, впервые изложил основы теории национального государства. Хотя уже в половине тринадцатого столетия империя безнадежно распалась и лишь с трудом была вновь восстановлена позже, однако взоры городского сословия, призванного руководить нацией в Германии, обращены были на обманчивый блеск императорской короны. Велись споры с чужеземными мечтателями, романтиками и поэтами на тему, почему именно на долю немцев выпала честь императорской короны, и немецкая ученость в своем патриотическом рвении не уставала приводить убедительные доказательства в пользу такого преимущества: классическое происхождение народа от троянцев или тесное родство Карла Великого с византийским императорским домом и тому подобное. Все это не привело, однако, немцев к сознательному национальному чувству.

Между тем развились прочные основы для бюргерского национального сознания. Появилась Ганза, все более и более оживлявшаяся торговля соединила большие города юга и севера, а на востоке сталкивались всевозможные немецко-бюргерские интересы в заботах об устройстве торговых сношений между славянскими колониями и старой немецкой родиной. В духовной сфере впервые возникает среди бюргерского мистицизма свободное немецкое мышление, хотя еще только христианское, но уже не связанное авторитетом церкви; возникает немецкая народная литература, немецкий деловой язык, прекрасный по конструкции и сжатости, и первое немецко-бюргерское общество, хотя еще и расчлененное на товарищества. Национальный инстинкт был уже налицо; необходимы были только крупные события, чтобы пробудить его к сознанию.

И вот еще раз первый толчок дает империя. Сознание пробуждается в 1325 году в немецких городах, когда Людовик Баварский начал последнюю великую борьбу империи с папством. С радостным удивлением узнали бюргеры об ученых книгах доктринеров государственного права при дворе Людовика, о сочинении под названием «*Defensor pacis*», доказывающем независимость империи от папы и отстаивающем политические права свободных имперцев. Когда впоследствии Людовик в борьбе с упорным папой забыл до крайних пределов свое личное и императорское достоинство, так что курфюрсты из опасения за свои собственные права вступили наконец за императора, то бюргерские массы с энтузиазмом и единодушно рукоплескали этому поступку. Конечно, ничего прочного этим путем все-таки не было достигнуто. К чему могла повести защита империи, представлявшей только тень самой себя? Что пользы было нации радостно следовать за повелителем, когда он был только владетельным князем, и даже не самым крупным среди многих других? Таким путем никогда не могло выработаться сознание того, что национальное чувство может найти для себя удовлетворение лишь в единой государственной власти, простирающейся на всю нацию.

Но со второй половины четырнадцатого столетия такому сознанию отнюдь уже не удовлетворяла императорская власть. Последняя являлась атрибутом наполовину вне немецкого владычества, центральным пунктом которой была Богемия; такой она сделалась по желанию хитрого Карла IV Люксембургского. Атрибутом полунемецкой власти оставалась она и тогда, когда власть перешла из Люксембургского дома к дому Габсбургов. Нынешняя австро-венгерская монархия с положенным в ее основу вынужденным отрицанием национальных стремлений составляет последний остаток этого процесса развития.

Но с падением императорской власти остался еще универсализм церкви. Уже в 1250 году генерал ордена монахов-проповедников предостерегал от *amor soli natalis*: кто любит свою родину, тот еще не победил свою натуру и не подготовил себя к принятию милости Божией. Столетие же спустя все вновь образовавшиеся национальности Западной Европы стонали под ярмом церковного универсализма, одни французы составляли в этом отношении исключение и низвели папу в Авиньоне до положения французского национального примаса и дворцового епископа. В 1378 году возникает Великий раскол, и вместе с ним происходит разрыв между романскими и германскими симпатиями; немцы и англичане примкнули к папе Урбану VI, романцы – к французскому папе Клименту VII. Это послужило началом к той богатой последствием эмансипации великих европейских наций от церковно-схематического универсализма, которая произошла во время заседаний Констанцкого собора и в силу тех условий, которые имели место как во время Констанцкого, так и во время Базельского соборов.

Эти последствия отразились и на Германии; несмотря на то что нация была обманута своим собственным императором в самых существенных приобретениях движения, вызванного соборами. В половине пятнадцатого столетия для империи наступает новая эпоха. Пробуждается горячее рвение, направленное на преобразование устаревшего государственного здания, – при этом не столько имеется в виду всемирная империя, сколько та точка зрения,

что пересоздание немецкого государства должно быть достигнуто на специфически немецких сословных основаниях.

Однако же и на этот раз ничего не было достигнуто, благодаря неблагоприятным внешним обстоятельствам, а также и потому, что древний универсализм церкви и империи далеко еще не был побежден. Выйти из затруднительного положения возможно было при посредстве последовательного развития индивидуализма, а такового индивидуализма не успели еще подготовить ни соборы в церковно-религиозной области, ни искусства и науки на свободной духовной почве: индивидуализм этот был принципиально достигнут и упрочен навсегда только благодаря Лютеру.

III

Значение Реформации не исчерпывается тем, что она средневековую католическую догматику заменила более чистою христианскою догматикою. Реформация отнюдь не одно лишь религиозное и церковно-историческое событие. Она знаменует вообще переход от Средних веков к Новому времени, переходя от духовного состояния народов, всецело скованного внешними силами, к более свободному существованию. Новое учение, правда, не проповедует еще Евангелия субъективизма, свободы личности от всяких положительных правил в сфере образования и жизни. Библия остается по-прежнему единственным руководителем в деле веры; «и толковать эту Библию не только предоставляется каждому по мере его разумения, а даже повелевается. Светская масса – народ – вызван к индивидуальному существованию, воспитание его должно было опираться на священнейшие предания всемирно-исторического прошлого.

Перед нами бесконечно громадный прогресс, какой мог возникнуть и осуществиться единственно только в области веры. Поскольку Лютер боролся и побеждал охватившие его сомнения, поскольку он достиг этим путем впервые свободы истинного христианина, постольку он являлся образцом для индивидуальных стремлений европейских культур в шестнадцатом столетии. Правда, он совершил этим лишь то, что уже созрело; но в том и состоит обыкновенно подвиг отдельных личностей, что они признают необходимым тот прогресс, который для других еще смутен, и осуществляют его путем упорной борьбы с существующими порядком вещей.

Лютер пробил брешь в стене средневекового духовного мира, за ним радостно последовали в новооткрытый мир индивидуализма более мелкие борцы, на этой плодородной почве начался расцвет гуманизма, возникла первая историко-филологическая наука в совершенно новой форме; приблизительно через пять поколений после Лютера впервые составилось ясное представление о средневековом мире как о своеобразном, уже отжившем веке. В области искусств произошел не меньший прогресс. Дюрер проявляет серьезное стремление к идеальным формам красоты в противовес реализму, грозившему сделаться безграничным и погрязшему в условных формах; стремление это выросло на той же умственной почве, на которой Лютеру удалось порвать церковные цепи. Но вполне создалась новая индивидуалистическая школа уже позже и прежде всего у голландцев – изображают ли они красоты родной страны, селятся ли они изобразить светлые и серьезные стороны народной жизни, или образно представляют священные события соответственно современным представлениям. Здесь, в политическом смысле уже не на немецкой почве, принцип протестантизма в плодотворной борьбе с мировой испанской силой проявил себя в чистейшем своем виде, и Рембрандт сделался величайшим живописцем нового протестантско-индивидуалистического мира.

Под влиянием Реформации развивается также экономическая и социальная жизнь, хотя она, подобно искусствам и наукам, и сдерживается еще пока в известных пределах: и в этом отношении далеко еще было от субъективизма того времени, которое наступило в конце прошлого столетия вместе с расцветом новейшей немецкой духовной жизни и французскими

событиями. Процесс развития от шестнадцатого до восемнадцатого столетия отнюдь не разрушил общественную организацию умиравших Средних веков с ее тройственным подразделением социального мира на крестьян, бюргеров и дворян: он только расширил и преобразовал эту организацию, присоединив к ней профессии, действующие по преимуществу в духовной сфере. Экономическая жизнь не подвергалась также никаким коренным изменениям. Территории и государства довершали теперь лишь то, что начато было городами в позднейший период, Средних веков на немецкой почве; средства прежней политики городов увеличились и были применены к более широким формам политического существования, в основе же своей они не подверглись никаким изменениям.

При всем том всякий, кто станет обозревать в целом это сравнительно близкое к нам прошедшее, охватывающее три последних столетия, лежащих, так сказать, в преддверии нашего века, без всякого сомнения поймет, что за возникновением реформаторского индивидуализма должна была возникнуть и новая форма национального сознания.

Форма эта создана была уже первыми представителями новой эпохи. Известна страстная любовь Лютера и других реформаторов к родине; выражение и форму этой любви к родине придали гуманисты. Последние принялись с воодушевлением за изображение великих подвигов нашего народа в отдаленном прошлом. Если до сих пор наиболее ярко очерченным образом немецкой истории являлся церковно-благочестивый Карл Великий, то теперь выдвигается Арминий, почти неизвестный в Средние века герой отдаленного германского прошлого. Гуманизму же принадлежит новый, более правильный, исторический взгляд на Средние века. Под грудой церковно-канонизированных преданий Ульрих фон Гуттен открывает трогательную надгробную песнь об императоре Генрихе IV, дошедшую до нас в форме краткой биографии; с злорадством обнаружил ее Гуттен как истинный памятник времен борьбы императора с папой. За этим памятником последовали и другие достоверные исторические источники, обнаруженные другими: так достигнуто было (хотя и не вполне еще установлено) первое историческое понимание первоначального бытия своего народа, послужившее фундаментом для создания нового народного сознания, для богатой воспоминаниями национальной гордости, естественным последствием которых должно было быть стремление к восстановлению политического значения народа.

С какими, однако, трудностями пришлось иметь дело этому течению даже в момент его полной силы! В последний раз сверкнул обманчивый блеск римской императорской короны в связи с испанско-габсбургским домом и его всемирной политикой; воскресли вновь мечты средневековых императоров, бывшие тогда близкими к осуществлению. Но когда Карл V не обнаружил никакой склонности быть римским императором немецкой нации, тогда роковым образом разразился религиозный раскол, и противореформационное движение принесло народу тяжкие и продолжительные страдания. Все то, что уцелело от стремления к национальному единству среди суровых толчков истории шестнадцатого столетия, погибло в бедственный период семнадцатого столетия – в Тридцатилетнюю войну.

Нация вышла из бесконечной борьбы без государственного идеала, без силы какого бы то ни было политического убеждения, и только национальное сознание более ранних времен действовало объединяюще и успокоительно на культурную и духовную жизнь. Пятнадцатое и шестнадцатое столетия завещали будущим векам богатейший запас национальных приобретений: народное искусство, создавшее распространенные и блестящие художественные произведения, изобретение книгопечатания, произведшее переворот в духовной жизни, начатки литературы, проникшей во все слои народа и создание великолепного литературного языка, – все это требовало новой разработки и дальнейшего развития. Предыдущее столетие преимущественно и посвящено было этим стремлениям. Тогда за нашим народом и упрочилась репутация нации поэтов и мыслителей; возрождение классической старины, явившееся в силу научного изучения, придало национальным произведениям – по крайней мере, в литературной

области – космополитическую окраску. Казалось, что нация как будто удовлетворилась сознанием духовного единства и что идеал единого государства дремлет в глубоких тайниках немецкой души.

IV

Но так только казалось. Уже то национальное возбуждение, которое вызвано было победами Фридриха Великого над русскими и французами, а еще более события периода *Sturm und Drang*⁹ доказали противное. Когда французская революция разрушила внешние сословные подразделения Средних веков не для одной только Франции, когда во время войн за освобождение научились ценить содействие свободных союзников – народов, тогда судьба нации решена была в определенном направлении. Поэзия, созданная войнами за освобождение и молодой Германией, с одной стороны, наука историческая и наука права и народного хозяйства, с другой стороны, – все указывало на определенную будущность для нации. Мы, современники, были свидетелями того, как сначала будущность эта рисовалась еще в виде мечты, затем – как она осуществлялась в действительности и как, наконец, застилавшая ее завеса была разорвана громом сражений трех великих войн.

Все эти исторические условия и события сделали нас гражданами, членами одного национального целого, каким не была наша родина в течение всех предшествовавших нам веков.

Какое было дело прежним германцам до их отдаленных отношений к легендарным естественным связям их народа! Немец жил не жизнью нации, а жизнью мелкой народности, к которой он принадлежал, да и для той его жизнь и смерть не имели особенной цены. Прежде всего он был членом своего рода; в мирные времена все заботы, все счастье его существования заключались в родовых отношениях! Какие тесные узы сковывали его самосознание он находил защиту и удовлетворение в естественной связи с членами своего рода; все же народные и национальные отношения, переходившие за пределы рода, исчезали для него во мраке символического предания.

Иначе уже направлена была мысль немца эпохи племенных различий, времени переселения народов. Более высокое представление о государстве, представление о племенном государстве, внушило ему более честлюбивые склонности и более широкий кругозор. Однако же под сильным давлением этих племенных отношений он забывал о целом, заглохло даже смутное национальное предание прошлого.

Соединение всех сохранившихся немецких племен в одну обширную всемирную империю Каролингов вызвало новое пробуждение объединенного национального сознания. Когда же всемирная империя распалась, немецкие племена увлечены были какими-то смутными порывами к государственному существованию, и тогда ясно определились особенности национального типа.

Но могло ли прочно удержаться национальное государство во времена императоров саксонской и Салической династий? Разве оно могло противопоставить местному обособлению племен решительное национальное объединение? За династией Штауфенов остается та большая заслуга, что при ней разрешена была задача, выраженная в этом вопросе. В мирное, очень прогрессивное время Оттонов и Салической династии национальная работа неизбежно привела к дальнейшему делению и подразделению; рядом с прежним сословием земледельцев явились сословия бюргеров и рыцарей. Среди постоянных видоизменений в сословном организме, которыми отмечен рубеж одиннадцатого и двенадцатого веков, победу одержали в конце кон-

⁹ Название это произошло от появившейся во 2-й половине XVIII века драме Клингера «*Sturm und Drang*». В истории немецкой литературы им обозначается период с начала 70-х до конца 80-х годов XVIII века, период борьбы против устарелых литературных форм и устарелого содержания. – *Пер.*

цов эти новые сословия: они восторжествовали над старыми племенными подразделениями и явились прочным социальным ферментом для нации как целого.

Это-то событие обеспечило прочное и способное к развитию существование единой немецкой нации, будущего национального государства. Ибо теперь только впервые было достигнуто всеобъемлющее прочное объединение немецких масс, становившееся постоянно все теснее. Но далеко еще было до того, чтобы предоставить отдельных индивидуумов преимущественному попечению государства, чтобы подчинить их высшим государственным интересам. Новые сословия соединились в особые корпорации с особыми правами и исключительными жизненными целями; отдельные личности прежде всего и примыкали к этим корпорациям, сословное сознание поглощало всякое национальное чувство.

Таким образом, национальное сознание, постепенно прокладывая себе путь, выступало на свет Божий, как бы по побуждению и в сопровождении сословного сознания. Развитие его было условным – оно обуславливалось тем сословием, какое в данное время являлось социально-руководящим, вначале рыцарским, а затем городским.

Все это дало толчок свободному умственному развитию личности, побудив последнюю порвать тесные сословные узы, окунуться в глубокое море идей и пуститься в смелое плавание. Настал век Реформации. Вооруженная компасом Евангелия, нация принялась искать для себя новую веру, а в последней – точку опоры для нового умственного и общественного существования. Когда замкнутый средневековый строй был расшатан, отдельным личностям пришлось более чем когда-либо обратить свой взор на единое национальное государство как на надежнейшую для себя защиту.

Национальное государство оставалось, однако, прекрасной мечтой во время гуманистов, и средневековый социальный строй в существенных чертах своих пережил еще конец восемнадцатого столетия. Наступило затишье в процессе общественного развития, оно значительно задержало внешний прогресс нации сравнительно с ее более счастливыми соперницами, но это не помешало увеличению умственного наследия нации.

Это наследие блестяще отразилось в умственных течениях конца предыдущего столетия, с ним мы вступили в новую эпоху субъективизма, в период буржуазного государства и свободного выбора профессий, свободы передвижения и свободной мысли. На этой стадии нашего национального развития порваны были почти все социальные узы прежнего времени, и мы бурно перешли к новой социальной группировке, вызванной новыми условиями; этот новый порядок мог упрочиться и дальше развиваться под защитой одного лишь национального государства. Отдельная личность является теперь совершенно свободной; она сбросила с себя все корпоративно-сословные помочи, даже почти все естественные узы семьи и рода; в ее распоряжении ничем не стесняемый выбор духовной группировки, прочно опирающейся на национальную почву общности языка, однородности чувств и образа мыслей. Столь богатая жизнь в ее полном расцвете может существовать лишь при покровительстве национального государства, которое одно только может управлять ее развитием и сдерживать ее порывы. Таким образом, современное национальное сознание немцев, в силу внутреннего развития, стало политической силой и привело к созданию национального государства, и благоприятная судьба для достижения этой цели даровала нации, помимо смутного давления масс, вождей со здоровыми взглядами и царственной энергией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.